

Что Цинь Цзуй устроит ему вот такую внезапную атаку — Цзян Чу не ждал ни секунды. Одна нога застряла под кроватью, первый инстинкт подсказал: сейчас будут бить, — и выставить защиту он не успел.

В глазах мелькнуло — а Цинь Цзуй уже навис над ним вплотную. Цзян Чу завис на мгновение, потом в голове что-то жахнуло, и по телу от пяток до макушки пронёсся хор «Жёлтой реки».

Вот это давление. И совсем не обычное давление.

—...Иди ты знаешь куда! — Цзян Чу рванул рукой по простыне, собрался с духом и упёр колено Цинь Цзую под рёбра. — Слезь, пепельница мне в задницу впилась!

Цинь Цзуй подчинился его усилию, выпрямился — и перешагнул через него с кровати, на губах всё та же усмешка.

Делать с Цзян Чу что-то конкретное он и не собирался — двадцать минут назад только вышел из душа и сейчас был совершенно холоден.

Просто захотелось поддразнить.

Цзян Чу всё время его задирали — пришла пора вернуть должок.

Этот жест — перешагнул через него и слез с кровати — у Цзян Чу вызвал острое желание двинуть пацану под коленки и посмотреть, как тот отправится носом в пол. Он с трудом удержался.

Когда Цинь Цзуй включил свет, Цзян Чу перевернулся, мельком глянул на простыню — и всё же съездил ему ладонью по спине.

— Смени простыню. — Он вытянул из шкафа чистую, скомкал и швырнул Цинь Цзую в голову.

Тот поймал, встряхнул — и принялся сваливать на Цзян Чу подушки и плед.

Цзян Чу стоял, обхватив руками всю эту кучу, и молча пялился на него. В голове крутилось ощущение какого-то полусна: посреди ночи, когда нормальные люди давно спят, они вдвоём с горем пополам перестилают кровать. Чем дольше он об этом думал, тем больше казалось, что натворили что-то не то.

Утром он проснулся один.

— Цинь Цзуй?

Цзян Чу обошёл комнаты, заглянул в дверь — ни его, ни Лян Сяоцзя.

Чжоу Тэн развалился на диване и лениво провожал его взглядом, пока тот бродил туда-сюда. В кухне нашлась только половина кастрюли каши.

Цзян Чу налил себе миску, сел есть и набрал Цинь Цзую. Тот взял после нескольких гудков.

— Вы где? — спросил Цзян Чу.

— Гуляю с Сяоцзя, он после обеда уезжает. — Судя по шуму фона — торговый центр.

— Уже после обеда? — Цзян Чу бросил взгляд на время — только перевалило за десять. — Ладно, гуляйте. На обед вернётесь или как?

— Не вернёмся, у него поезд скоро. Поедим там где-нибудь. Ты сам сготовишь?

— Обо мне не думай. — Цзян Чу отодвинул миску. — До тебя я тоже голодным не ходил. Хорошо проведите время.

Сказал — и немного завис.

Когда столько привыкаешь к тому, что просыпаешься в любое время, а в квартире уже кто-то есть, — и вдруг снова одинокий холодный очаг и вопрос «что сегодня есть», — это бьёт неожиданно.

Привычка — страшная вещь.

С тех пор как Цинь Цзуй появился, Цзян Чу, пока был дома, ни разу не думал об этом. К сроку еда стояла на столе — пусть восемь раз из десяти это была лапша в каком-нибудь виде.

В последние дни лапши не было, и он вдруг поймал себя на том, что почти по ней скучает.

— Ты на обед готовишь? — сказал он в сторону Чжоу Тэна.

Пёс уставился на него и вильнул хвостом.

До обеда было далеко, желудок после каши молчал. Цзян Чу лёг на диван, включил телевизор фоном, взял телефон — сообщений, как обычно, было выше крыши, ни в выходной не продохнуть.

Позвать кого поест — все ближайшие ещё не вернулись из поездки.

Он бесцельно листал ленту и наткнулся на аватарку Цинь Цзуй. Зашёл, глянул на страницу. Момент рождения — маленькая бутылочка вина, та самая — и больше ничего.

День рождения.

Цзян Чу смотрел на эту бутылочку и немного задумался. Почему-то вспомнилась Цинь Шумань.

Ночью и днём одно и то же чувствуется по-разному. Ночью легко впасть в иллюзию, что ты один на один с мирозданием, что вокруг никого нет, — и всё, о чём думаешь, становится личнее, откровеннее, отчаяннее.

Днём приходится стоять обеими ногами на земле, среди людей и отношений, из которых так просто не выйти.

Цинь Шумань перепутала год рождения собственного сына и за все эти годы после развода ни разу не удосужилась его увидеть. Но она всё равно его мать.

Узнает — наверное, голову сломает.

Расскажет ли ей когда-нибудь Цинь Цзуй?

Да кто знает — может, они с матерью ещё и не помирятся, а он к тому времени снова переключится на девушек.

Хотя даже если отвлечься от Цинь Шумань — Цзян Чу и сам ещё не вполне переварил вчерашний разговор.

Цинь Цзуй и правда гей.

При том что он сам вчера же сказал: от обычного порно тоже реагирует, то есть при достаточном стимуле — всё равно, мужчина там или женщина.

Так как он тогда вообще в этом разобрался?

Значит, был с кем-то из парней, хоть какой-то опыт имеется.

Со стороны Цзян Чу это было совершенно непредставимо — как человек вообще приходит к такому открытию насчёт себя, и главное — к уверенности в нём.

Он попробовал представить: вот Да Бэнь вешается на него ласковой птичкой, тащит по магазинам, требует то купи, это купи, и ещё надувает губы с намёком на всякое такое...

Телефон выскользнул из рук и рухнул прямо на нос.

Цзян Чу зажмурился, потирая нос и давя выступившие слёзы.

Не успел нос отойти, как он всё же попробовал мысленно поставить рядом Да Бэня и Цинь Цзуй — и едва не отнёс себе нос до кости.

Мысли понеслись вскачь, рисуя картины одна хуже другой, и в конце концов заикнулись на фразе, которую Цинь Цзуй обронил вчера: «Покажи тебе двух мужиков — тоже среагируешь».

Пару секунд он посидел. Потом встал и пошёл в кабинет включать компьютер.

Уже устроился в кресле. Чжоу Тэн просунул полголовы в дверь и поглядел на него — Цзян Чу почему-то почувствовал себя виноватым, встал, выпроводил пса и закрыл дверь.

Напрямую такое не найдёшь, но при желании несложно — с пары сайтов, которые он обычно листал, можно было выйти куда надо.

Обнимашки, поцелуи — это он видел немало, классики хватает, ничего особенного. И он вполне понимал в теории, как всё устроено между мужчинами.

Именно поэтому, заходя с этим «ничего особенного», он ткнул на первую попавшуюся страницу — и гигантская гифка, которая загрузилась мгновенно, влетела в экран, как пощёчина. В голове коротко загудело.

Это было...

Он уставился на эту методичную картину, помедлил пару секунд — и потянул мышкой вниз.

Цинь Цзуй вернулся в половине первого. Чжоу Тэн сидел посреди прихожей, задрал морду, и встретил его лаем. Цинь Цзуй присел, почесал ему подбородок.

В гостиной работал телевизор, Цзян Чу на диване не было — из ванной доносились вода и музыка. Видимо, моется.

Цинь Цзуй не стал его звать. Переоделся, заглянул на кухню. Так и есть: обед Цзян Чу не готовил, доставку не заказывал, с утра прикончил остатки каши — и бросил кастрюлю с миской отмокать в раковине.

Цинь Цзуй выложил тушёную свиную ногу, которую специально взял ему, на тарелку, промыл рис и поставил вариться. Принялся за посуду.

Пока тёр кастрюлю, вспомнил, каким был дом в первый день — разгром на разгроме. Непонятно, как этот человек вообще жил.

Вскоре вода в ванной стихла, и Цзян Чу вышел с полотенцем на голове, мокрый, — увидел Цинь Цзуй у стола с тарелками и выдал короткое «твою мать».

— Ты когда вернулся? — Стянул полотенце с головы, подошёл, цапнул кусочек свиной ноги и закинул в рот.

— Только что. — Цинь Цзуй оглянулся. На Цзян Чу были одни трусы, вода с него ещё капала.

Взгляд скользнул мимо — и Цинь Цзуй пошёл на кухню за палочками. Услышал, как Цзян Чу, направляясь в спальню, бросил на ходу:

— Мог бы окликнуть, я уж решил — Чжоу Тэн обернулся человеком.

Цинь Цзуй обдумал логику этого высказывания. Ответить не стал.

Клинический бред.

— Лян Сяоцзя уже уехал? — Цзян Чу кое-как обтёрся, вытащил из спальни широкие штаны, натянул и сел за стол.

— Угу. — Цинь Цзуй щёлкнул пивной банкой, пошёл на диван переключать. — Ты с утра ещё спал, он не стал тебя тревожить.

— Что-то рано засобирался. Думал, хотя бы пару дней погуляете.

Не дождавшись ответа, Цзян Чу выплюнул косточку и спросил:

— Он знает? Про тебя?

Слишком резкий поворот. Цинь Цзуй уже поднёс банку к губам — остановился и посмотрел на него.

Но Цзян Чу сидел спиной. Видно было только мокрые кончики волос — ни носа, ни выражения лица.

— Знает, — сказал Цинь Цзуй.

Цзян Чу кивнул. Молча продолжал есть.

Цинь Цзуй наугад включил какой-то фильм. Посмотрел несколько минут — и снова бросил взгляд на Цзян Чу.

Что-то было не так. Он это чувствовал.

Вчера не успел осознать — проснулся сегодня, пригляделся трезвым взглядом и не принял? Или это из-за его вчерашнего «попробуем»?

— Чем ты утром занимался? — Цинь Цзуй отпил ещё пива, глядя в экран, просто чтоб разбить тишину.

— Кашу ел, помылся, — ответил Цзян Чу быстро. — Чем ещё заниматься — глаза открыл, уже одиннадцатый час.

— Ду Мяомяо утром меня добавил.

— Точно, я и забыл. — Цзян Чу подхватил тарелку, пришёл сесть рядом, и они вместе уставились в экран. — Чего он так к тебе тянется, как думаешь?

Цинь Цзуй отметил, куда тот сел.

С первого дня, как он здесь появился, если садились на диван вдвоём — Цзян Чу плюхался прямо рядом. Пусть места было впрыток — обязательно ещё и пихнет его в ногу, потребует подвинуться.

Сейчас было не так.

Цинь Цзуй сидел чуть ближе к середине. Цзян Чу сел на подлокотник, поставив одну ногу на сиденье, — между ними было с полметра.

— Мы в одном универе, — сказал Цинь Цзуй, глядя на него. — Что такого?

Цзян Чу встретил взгляд, неторопливо дожёвывая косточку, уголком рта что-то изображая.

— Да нет, ничего. — Через несколько секунд он перевёл взгляд обратно на экран и усмехнулся.
— Просто смотрю: и Лян Сяоцзя, и этот — на каких малолеток тебя тянет.

Не успел Цинь Цзуй ответить — Цзян Чу подавился соусом. Отвернулся, пару раз кашлянул в кулак.

Цинь Цзуй молча протянул ему недопитую банку пива.

— Не надо. — Цзян Чу отмахнулся.

Цинь Цзуй убрал руку. Не сказал больше ничего.

Минут через несколько Цзян Чу доел, отнёс тарелку на кухню. Цинь Цзуй к тому времени допил пиво до дна — без замаха отправил банку в мусорное ведро, встал и молча ушёл к себе.

<http://bllate.org/book/18398/1809906>